
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИКЛИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СОВЕТСКОЙ И ПЕРЕХОДНОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ. ЧАСТЬ 1

K.X. Зоидов

Исследованы различные циклы советской и переходной экономики России – инвестиционные и структурные, дефицитные и инфляционные, долго- и среднесрочные. Выдвинута и обоснована концептуальная модель циклов руководимого развития как базовых среднесрочных циклических процессов в советской экономике. Выявлена специфика транзитивных циклических процессов. На этой основе предложен методологический подход к выработке стратегии эффективного регулирования циклов в переходной экономике России.

ВВЕДЕНИЕ

Циклический подход к экономическому развитию позволяет воспроизвести нелинейный, сложно организованный, волнообразный характер этого развития и открывает значительные перспективы для его прогнозирования и регулирования. Циклический характер эволюции предстает как результат внутренней ограниченности любых эволюционирующих систем. Ограниченностъ каждой из них: в занимаемом пространстве, в охватываемой ими материи, в накапливаемой и потребляемой энергии, в системной организации и структуре – во временном развертывании проявляется как цикличность. Она представляется людьми в символической форме, по образу и подобию колеса. Каждый оборот этого эволюционного колеса означает возврат в уже пройденную ра-

нее точку, но только на самом колесе. В пространстве, по которому вращается колесо, он означает прохождение расстояния, равного диаметру колеса. Обратимость каждого цикла связана поэтому с необратимостью эволюции, а возвратность циклических состояний образует возможность постепенного, всесторонне подготовленного прогресса. Кризисные состояния суть неизбежные следствия циклического характера эволюции. Избежать их невозможно, но можно «закруглить» траекторию их прохождения. В этом и заключается искусство антикризисного регулирования.

Сложившаяся в советское время ориентация экономической науки на изучение циклических кризисов рыночной экономики как составляющих «общего кризиса» капитализма, ведущего последний к неминуемой гибели и замене «бескризисной» системой социализма, привела к полному игнорированию собственных циклических колебаний и циклических кризисов этой системы. Традиция такого игнорирования, закрепленная идеологическим табу на реалистический анализ кризисных явлений при «реальном» социализме, способствовала закреплению в экономическом мышлении ациклических взглядов на социализм и постсоциализм. В целом эти взгляды соответствовали долго насаждаемой мифологии «бескризисного» развития.

Длительное господство над экономическим мышлением мифологической политэкономии социализма не позволило разработать на отечественной почве основы подлинной политической экономии, а обращение экономистов к методологии «экономикс» для разрешения текущих практических проблем создало общераспространенное убеждение в устарелости и ненужности поиска онтологических корней того или иного кризисного явления. Однако глубинные корни трансформационного кризиса тянутся из основ системы советского социализма.

Циклы и циклические кризисы в советской и переходной российской экономике так своеобразны, так деформированы государственными воздействиями, что при их анализе

нередко пробуксовывает понятийно-категориальный аппарат экономической науки.

Советская экономическая система так препарировала статистику, чтобы полностью соответствовать создаваемому ею о себе мифологическому образу постоянно успешной, непрерывно растущей и бескризисной, за вычетом некоторых не столь существенных и постоянно преодолеваемых недостатков экономики, что не оставила после себя надежных статистических данных, по которым можно было бы судить о ее циклах и кризисах. Поэтому экономисты, взявшись за неблагодарное дело воспроизведения циклических процессов в советской, а также и переходной экономике, которая из нее произошла и многое от нее унаследовала, вынуждены продвигаться в своем исследовании как бы на ощупь, рассуждать умозрительно, использовать в основном качественный анализ, не опираясь на анализ статистико-эмпирический, что вызывает естественные нарекания их коллег и считается серьезным методологическим недостатком.

И тем не менее, несмотря на вышеуказанные причины, оставлять циклические процессы в советской и переходной российской экономике без исследования нельзя. От нашего знания кризисных процессов в очень высокой степени зависит разработка способов и средств для их преодоления.

Все это предопределило характер поставленных задач и методологическую направленность предпринятого нами исследования. Основная цель этого исследования – проследить истоки нынешней кризисной циклическости в циклах и кризисах ациклически бескризисного развития экономики советской эпохи и на этой основе наметить некоторые методологические контуры нетрадиционного подхода к антикризисному регулированию, способного, с нашей точки зрения, обеспечить наиболее эффективное макроэкономическое воздействие на циклы и кризисы переходной экономики.

1. РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ НА ЦИКЛЫ И КРИЗИСЫ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ 1970–1980-х гг.

В 70–80-е гг., несмотря на идеологическое табу, ряд экономистов начинает уделять внимание цикличности народного хозяйства СССР в рамках анализа самых различных частных проблем развития этого хозяйства – совершенствования планирования, формирования структурных пропорций, использования достижений научно-технического прогресса и т.д. Исследователи зачастую были вынуждены называть вещи не своими именами. Говорилось о воспроизводственных циклах и накопившихся в них проблемах, поскольку применительно к системе социализма нельзя было даже упоминать слово «кризисы». Например, П. Тесля, отмечая, что моделирование экономических циклов представляет интерес не только для анализа экономики капиталистических стран, дипломатично именовал колебания в экономике соцстраны «квазициклическими явлениями» (Тесля, 1988, с. 7–8).

Экономисты, занимавшиеся изучением циклических процессов, вынуждены были сосредоточивать внимание на циклах капиталистических стран, выражая свое понимание циклических перепадов и кризисных состояний в своем отечественном народном хозяйстве лишь в форме намеков и полунамеков. В конце 70-х – начале 80-х гг. между ними произошло размежевание на «долгосрочников» и «среднесрочников». Первые, изучая долгосрочные циклы Кондратьева, вначале испытывали больше затруднений с легализацией своих идей, так как и над личностью Н. Кондратьева, и над его концепцией длинноволновых колебаний тяготел ярлык «немарксистского теоретизирования». Но затем у них возникло больше возможностей для сравнения циклических процессов при капитализме и социализме, поскольку они не затрагивали чрезвычайно болезненную для ам-

бициозной идеологии проблему кризисов при социализме.

Так, в коллективной работе (Рекомендации..., 1980) говорилось о ряде негативных тенденций в развитии науки и техники в СССР, которые отчетливо проявились в 70-е гг. По существу, речь шла о жестоком кризисе научно-технического развития, который выразился в таких тяжелых формах, как замедление темпов развития науки, ослабление фундаментальной науки, сокращение среднегодового количества образцов новой техники, низкие темпы развития машиностроения, вызвавшие дефицит уже не только потребительских товаров, но и орудий труда, неправданное расширение сферы ремонта новой техники, резкое увеличение импорта машин и оборудования из западных стран и столь же резкое снижение экспорта отечественной техники и т.д.

Цифры, приведенные авторами работы, говорили именно о кризисе, а не о временном замедлении темпов. Так, с 1970 по 1978 г. произошло увеличение импорта машин, приборов, оборудования, транспортных средств в 3,9 раза, снижение экспорта соответственно в 2,8 раза. Причина этих явлений отыскивалась, конечно же, в длинной волне и характере НТР, а не в деградации системы как таковой. Наиболее глубокую причину замедления темпов и недостаточной эффективности научного прогресса авторы находили в исчерпании экономического потенциала первого этапа научно-технической революции и связанных с ним ранее освоенных поколений техники. Переход к новому этапу НТР они связывали с крупными затратами, трудностями коренной перестройки техники, технологии и управления во всех отраслях производства, коренной перегруппировкой научно-технических сил, максимальной концентрацией ресурсов на разработке и массовом производстве новых высокоэффективных поколений машин, преодолением весьма значительных сил инерции (Рекомендации..., 1980, с. 9–11). Нужно сказать, что эти слова, написанные еще в 1980 г., звучат весьма актуально и сейчас. Обосновывая не-

обходимость крутого поворота в планомерном управлении НТР, разработчики этих рекомендаций уже тогда, по существу, уловили неизбежность некоторых аспектов нынешнего трансформационного кризиса. По крайней мере тех аспектов, которые связаны с длинноволновой природой экономического роста советского типа и исчерпанием его научно-технических возможностей.

Настоящей энциклопедией длинноволновых колебаний мировой экономической конъюнктуры стал реферативный сборник ИНИОН (Долговременные тенденции..., 1985).

Реферативный подход к основополагающим трудам западных экономистов по проблемам циклической динамики позволял настолько подробно и добросовестно осветить эти проблемы, что читатель самой логикой изложения подводился к осознанию в чем-то сходных, но в конечном счете еще более трудноразрешимых и кризисных проблем, накопившихся в отечественной экономике.

Дальнейшее развитие длинноволновых концепций применительно к проблемам отечественной экономики связано с работами С. Меньшикова и Л. Клименко (Меньшиков, Клименко, 1989), А. Полетаева и И. Савельевой (Полетаев, Савельева, 1993), В. Маевского (Маевский, 1994), Н.Я. Петракова (Петраков, 1998), Ю. Яковца (Яковец, 1993, 1997, 1999) К. Рудого (Рудый, 2004) и др. Экономисты «долгосрочники», как правило, концентрировались на общей природе кризисов капитализма и социализма, выводимых из условий научно-технической революции и общемирового характера долгосрочных циклов. Они абстрагировались от социально-экономической природы кризиса социализма и вели поиск возможностей для преодоления кризиса в направлении изменения научно-технической инновационной политики, характера и содержания планирования и административного регулирования экономических процессов и т.д.

Что касается «среднесрочников», то их исследования применительно к экономике капитализма всячески поощрялись, а применительно к экономике социализма вообще не до-

пускались, так как по идеологическим причинам отрицалось само существование циклических перепадов в «поступательном» развитии социализма и его переходе в коммунизм. Говорить и писать можно было лишь о «квазициклических процессах», «ступенях», периодах, этапах, кругооборотах, углубляясь в циклические колебания собственной экономики не далее циклов фондоотдачи, расширенного воспроизводства, освоения новой техники и т.д.

Одним из первых занялся исследованием среднесрочных циклов советской экономики А. Ноткин, эвфемистически (подменно) называя их «ступени». В написанной им первой главе вышедшей под его редакцией в 1976 г. коллективной монографии (Пропорции..., 1976) содержалась концепция ступенчатого типа расширенного воспроизводства в СССР, под которым понимался, как следует из изложения материала, именно циклический тип.

За основу для выделения циклов А. Ноткин принимает соотношение темпов роста производства, средств производства и предметов потребления. По существу, он полемизирует с фундаментальной идеологической догмой о примате производства средств производства над производством предметов потребления как преимуществе «планомерного, пропорционального» развития социалистической экономики. Исходное ядро концепции состоит в разделении развития экономики СССР на два периода – становление социалистических отношений и развитого социализма. Примат развития отраслей I подразделения был, согласно А. Ноткину, присущ только первому из этих периодов и привел к значительным диспропорциям между производством I и II подразделений. Этим объясняются и явления дефицита, и многие другие негативные явления и проблемы экономики.

Во второй период, согласно А. Ноткину, эти диспропорции, негативные явления и проблемы предстоит устраниить на основе преимущественного развития II подразделения. А. Ноткин тем самым «протаскивает» весьма крамольную в то время мысль о принципиаль-

ной незавершенности круга (цикла!) воспроизводства на основе постоянного опережения группы А и отставания группы Б, а значит, и о принципиальной диспропорциональности советского типа экономического роста. Преодолеть уже накопленную диспропорциональность можно только путем весьма длительного и чрезвычайно интенсивного преимущественного развития производства группы Б.

Суть концепции ступенчатого типа расширенного воспроизводства при социализме, сформулированной А. Ноткиным, состоит в том, что это воспроизводство развивается парными циклами («ступенями»), и в каждой из этих пар первый цикл проходит с весьма значительным опережением группы А по отношению к группе Б, а во второй группе Б должна подтягиваться и догонять, темпы их роста должны сближаться.

Значение работы А. Ноткина состоит именно в выявлении циклического характера диспропорциональных сдвигов. В начале каждого инвестиционного цикла (а их временные рамки мы обсудим позднее) наблюдается колossalное, невозможное в рыночной экономике превышение темпов роста производства средств производства над производством предметов потребления. Эта ультрамобилизационная фаза цикла приводит к кризису диспропорциональности, выражющемуся в росте выше всяких норм дефицита как в потребительской сфере, так и в снабжении промышленности. Это заставляет перебросить часть инвестиций из группы А в группу Б, вследствие чего темпы роста первой снижаются быстро в силу инвестиционного характера советского бума, а темпы роста второй поднимаются медленно, никогда не покрывая дефицита вследствие чересчур далеко замедленного технического отставания потребительской сферы. Как только интенсивность дефицита достигает нормального уровня, наблюдается новый скачок в перераспределении инвестиций от падчерицы такой экономики – потребительской сферы – к ее законной дочери – военно-мобилизационной тяжелой индустрии. А. Ноткин при всей проблематичности своей

концепции внес ценный вклад в выявление закономерностей циклического развития экономики СССР.

Анализ инвестиционных циклов в соцстранах содержался в работе чешского экономиста Р. Винтровой (Винтрова, 1981). В книге Р. Винтровой отмечается, что изменения в темпах роста производства и капиталовложений (так она называет эти циклы) в экономике ряда соцстран не только возникают периодически, но и совпадают по времени. В ЧССР они повторяются с периодичностью приблизительно в 8–9 лет. Она приводит гипотезу своего коллеги, чехословацкого экономиста Й. Гольдманна, который связывал колебания в темпах роста инвестиционных расходов с иерархичностью организации социалистической системы производства. Отсутствие параллельных конкурирующих структур, придающих стабильность и сбалансированность инвестиционным процессам в рыночной экономике, приводит к тому, что даже незначительное изменение инвестиционного потенциала может пройти по всей цепочке межхозяйственных связей и привести к резкому росту дефицита, оказав тем самым разрушительное воздействие на производственный процесс. Лишь постоянный «подсос» инвестиций может в этих условиях обеспечить относительно устойчивые темпы роста (Винтрова, 1981, с. 56–57).

В работе Л. Евстигнеевой (Евстигнеева, 1982) значительное внимание былоделено анализу социалистического расширенного воспроизводства как системы взаимодействующих между собой кругооборотов трех уровней субъектов хозяйствования – глобального (государства), локального (предприятия) и индивидуального (домохозяйства).

При становлении этого типа воспроизводства обоснование кругооборотов было лишь потенциальным и «выражалось в наличии разных фаз воспроизводства единого нерасчененного кругооборота совокупного общественного продукта» (Евстигнеева, 1982, с. 9). Расчленение этих кругооборотов происходит с введением хозрасчета. По мере углуб-

ления хозрасчета углубляется и дифференциация между кругооборотом совокупного общественного продукта в его воспроизводственной структуре, его же в производственной структуре и кругооборота потребительских доходов в денежной форме. При этом «нормальное функционирование системы кругооборотов в целом сводится к устойчивому воспроизведению всех условий нормального течения кругооборота глобального субъекта хозяйствования, который занимает главенствующие позиции» (Евстигнеева, 1982, с. 7). В указанной работе обосновывается в качестве основной идеи о том, что рычаги административных воздействий можно полноценно заменить финансовыми рычагами с использованием методов долговременного перспективного финансового планирования.

Л. Евстигнеева обогатила теорию циклов (кругооборотов) советской экономики анализом роли в их протекании колебаний фондаемости. В период бума советского инвестиционного цикла нарастание диспропорций между переразвитым I подразделением и недоразвитым II подразделением приводит к перегреву экономики, одним из проявлений которого является резкое повышение фондаемости производства. Перераспределение ресурсов для реанимации группы Б приводит к снижению роста фондаемости, а иногда и к ее спаду в кризисный период, что позволяет использовать динамику фондаемости в качестве индикатора советского инвестиционного цикла. А с другой стороны, она выступает не только индикатором, но и катализатором нарушения равномерности экономического роста, поскольку «опасность выхода из режима равномерности заложена в точке максимальной внутрициклической фондаемости, чреватой дефицитом и нарушением экономического равновесия» (Евстигнеева, 1982, с. 29).

Таким образом, отражение проблемы цикличности советской экономики в научной литературе 1970–1980-х гг., несмотря на трудности в воспроизведении реальных процессов, обусловленные идеологическим давлением, содержит немало рациональных зерен и

ценных наблюдений. Выявление циклического характера диспропорциональных сдвигов, изменений в темпах роста производства и капиталовложений, воздействия хозрасчета на циклические колебания экономики и регулирующей роли в них фондемкости и финансовых процессов создали фундамент для дальнейшего развития теории циклов и их воздействия на экономические процессы. Тем не менее отсутствие социального заказа на углубленное исследование циклов в отечественной экономике не позволило экономистам в 70–80-е гг. даже приступить к созданию четких теоретических моделей этих циклов.

2. МОДЕЛИРОВАНИЕ ЦИКЛОВ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА 1990-Х ГГ.

Достаточно устойчивый исследовательский интерес к системному изучению и моделированию среднесрочных циклов советской экономики начинает проявляться в начале 1990-х гг. Однако следует сразу же отметить, что вскоре, к сожалению, этот интерес угас, будучи отвлечен бурным потоком новаций, связанных с начавшимся радикальным реформированием экономики России. Те несколько весьма перспективных научных работ, которые в 1990–1991 гг. были посвящены этой проблеме, не нашли в последующие годы достойного продолжения. Поиск адекватной модели циклических процессов в экономике СССР, моделирование механизмов циклообразования заняли в этих работах основное место и способствовали тому, что у нас сейчас есть на что опереться в дальнейшем поиске.

Так, в работе И. Абрамова (Абрамов, 1990) для выявления закономерностей образования и динамики циклов был проанализирован обширнейший фактический и статистический материал, охватывающий послевоенную динамику важнейших экономических показателей – производительности труда, фон-

доотдачи, капитальных вложений, цен, незавершенного строительства, товарных запасов, доходов и сбережений населения и т.д. Особое внимание в исследовании обращено на воспроизводственные и структурные циклы. Это позволяет выявить те ведущие процессы и несущие конструкции циклообразования, которые задают ритм циклическим колебаниям на всех прочих уровнях функционирования экономики.

Важная отличительная черта трактовки цикличности советской экономики отмеченная И. Абрамовым заключается в категорическом отрицании оправданности имевших место в экономической науке и партийных документах попыток объяснить колебания и трудности в хозяйственном развитии страны главным образом неразумными или несвоевременными распоряжениями, ошибками центральных органов, волюнтаристским вмешательством в экономические процессы. В противовес такой точке зрения он выдвигает следующие положения:

- если бы управленческие решения в экономической сфере хотя бы на 20–25% состояли из неразумных или несвоевременных волевых решений, то при том уровне централизации, который в ней сложился, эта экономика вообще не смогла бы функционировать;
- значительная часть неразумных и несвоевременных распоряжений, которые действительно имели место, бойкотировалась экономической системой как невыполнимая и осталась на бумаге;
- малоэффективные волевые решения, убыточные в целом, принесли кратковременный местный успех, который частично покрыл убытки (Абрамов, 1990, с. 9).

Таким образом, И. Абрамов убедительно опровергает апологетическую точку зрения о преимущественно субъективном характере циклических и кризисопорождающих процессов в советской экономике, утверждая преимущественно объективную природу этих процессов и обнаруживая их первоисточник в самой экономической системе. Более того, анализ экономических циклов приводит исследовате-

ля к убеждению о большей связанности, инерционности советской экономики по сравнению с рыночной, ее относительно меньшей оперативной управляемости и регулируемости.

Общая тенденция к снижению управляемости и регулируемости, причем не только оперативной, но и долгосрочной, проявляется в «плановой» экономике по мере ее развития, усложнения, а затем и деградации. И. Абрамов не отрицает вредного воздействия на циклические саморегулирующиеся циклы хозяйствования волюнтаристских административных воздействий, но совершенно правиль но относит саму возможность таких воздействий к объективным характеристикам данной экономической системы. Он отмечает, что «непродуманные крупномасштабные кампании, проводимые сверху, могут и сейчас исказить естественный ход эволюции общественного производства» (Абрамов, 1990, с. 11). «Расшатывание» циклических процессов такими начинаниями еще больше деформирует и без того деформированный системой ход этих процессов, снижая потенциал саморегулирования в кризисах и повышая их разрушительный потенциал.

Своеобразие циклов в развитии экономики СССР и их принципиальное отличие от циклов капиталистической экономики И. Абрамов видит, во-первых, в деформированности, искаженности траектории протекания циклов и, во-вторых, в их меньшей динамичности, инерционности и, как следствие, в растянутости во времени. Автор вполне точно описывает первоисточник этих деформаций, отмечая большую «скованность» народного хозяйства СССР (по сравнению с капиталистической экономикой), зажатость ее пятилетними планами, верстаемыми «от достигнутого», неповоротливостью хозяйственного механизма, неразвитостью личной инициативы, отсталостью кредитно-финансовой системы и т.д. Именно эти причины приводят к меньшей динамичности и большей продолжительности экономических циклов в СССР. По его мнению, среднесрочные циклы советской экономики, на которых сосредоточивается его ис-

следование, продолжаются при отсутствии возмущающих воздействий (войны, революции, восстановительные периоды, трансформации) 15–20 лет.

В основе формирования среднесрочных циклов советской экономики, по И. Абрамову, лежат две группы причин: переориентация производства с переразвитой группы А на недостаточно развитую группу Б и стихийное формирование экономических диспропорций. Под преимущественным воздействием первой из этих двух групп причин формируется воспроизводственный цикл, второй – цикл структурный. Таким образом, выделяются два различных типа среднесрочных циклов советской экономики, которые имеют различные фазы и лишь частично совпадают друг с другом.

Основной результат своего исследования автор видит не в доказательстве факта циклического развития экономики, поскольку цикличность присуща всему существующему, а в детальном описании послевоенных среднесрочных циклов, резко отличающихся от классических циклов капиталистической экономики.

В работе Г. Ковалевой (Ковалева, 1991) была сделана попытка применить один из общепризнанных физических методов к оценке динамики среднесрочных циклов советской экономики. Автор предложила нестандартное решение возникающих проблем, связанное с идентификацией поворотных точек в динамике циклических процессов, поскольку именно посредством спектрально-подобного анализа таких моментов изменения экономических показателей можно обнаружить скрытую информацию о самих этих изменениях, даже если эта информация тщательно отфильтровывалась в процессе подготовки статистических данных. В результате она пришла к выводу о наличии среднесрочных циклов длительностью 8–12 лет, в которых ей удалось выявить лишь две фазы – подъема и спада.

Ухудшение ситуации в экономике от цикла к циклу Г. Ковалева связывает с исчерпанием возможностей эффективного использования того постоянного наращивания про-

изводственных капиталовложений, на котором базировался экономический рост. В 1950–1970 гг. этот рост шел особенно быстро благодаря использованию высокой доли национального дохода на накопление, что приводило к быстрому исчерпанию его экспансивного потенциала. Дальнейшее накопление происходит в условиях роста фондоемкости, при котором последний поглощает первый, не давая никакого эффекта. Все больший объем капитальных вложений приходится направлять на поддержание достигнутого уровня выпуска продукции, быстро дорожает производство в добывающих отраслях и сельском хозяйстве.

Был необходим переход к новому техническому уровню производства, который позволил бы поднять эффективность инвестирования, обеспечить повышение фондотдачи. Но попытки модернизации производства на основе новейших достижений НТП отторгаются сложившейся системной экономических отношений. Два значительных повышения мировых цен на нефть и нефтепродукты, их высокий уровень, сохранявшийся до конца 1982 г., создали предпосылки для сохранения экспансивного экономического роста за счет полученных извне материальных средств. С прекращением этой подпитки нефтью и долларами система приходит в упадок. С 1983 г. наблюдается ухудшение самых различных экономических показателей.

Таким образом, Г. Ковалева через моделирование циклической динамики экономических процессов обнаружила межцикленную тенденцию к падению эффективности советского производства, действующую на основе тех же факторов, которые ранее обеспечивали эту эффективность.

Совершенно иной подход к моделированию циклов советской экономики предлагает С. Дубовский (Дубовский, 1991). Автор статьи выделяет в развитии экономики СССР особые экономические циклы, которые он именует циклами реформаторской активности и считает основными, определяющими характер и направленность всех остальных цикли-

ческих колебаний в экономической сфере.

К сожалению, способ реализации этого, безусловно, верного тезиса (который в дальнейшем мы будем именовать тезисом С. Дубовского) является весьма спорным и заслуживает, по нашему мнению, серьезной критики. Дело в том, что в качестве основания для выявления склонности руководящих групп к реформированию и соответственно для определения ведущих среднесрочных циклов экономического развития автор статьи рассматривает колебания среднего возраста представителей каждой из этих групп в определенный период времени. Вряд ли можно расценивать как серьезный научный аргумент жесткую привязку склонности к экономическим реформам к среднему возрасту состава правящей группы. Экономическая стратегия определяется не только и не столько возрастом, хотя с годами люди, безусловно, в массе своей становятся более консервативными и менее склонными к переменам. В рассмотренной ситуации все происходило скорее наоборот: не столько общее постарение руководства, средний возраст которого за 64 года с 1917 по 1981 г. повысился, как отмечает С. Дубовский, на 30 лет, обусловило его нежелание проводить реформы, сколько само вырождение системы, отторжение ею давно назревших реформ обусловило соответствующий подбор руководящей группы.

С. Дубовский выделяет четыре цикла реформирования экономики СССР длительностью в среднем в 22,7 года, причем он специально обращает внимание на совпадение этой длительности с длиной цикла правления данной руководящей группы. В каждом таком цикле автор концепции выделяет две фазы – стабильную и нестабильную в зависимости опять же от колебаний среднего возраста руководящей группы. В нестабильные периоды, т.е. в периоды относительного омоложения правящей группировки, реформаторская деятельность, по С. Дубовскому, наиболее активна, в стабильные же периоды она прекращается либо проявляется в виде контрреформ по отношению к реформам

неустойчивого периода.

Несмотря на весьма спорные основания и связанную с ними «натянутость» и искусственность представлений о сроках протекания и движущих силах смены советских среднесрочных циклов, концепция С. Дубовского содержит ряд рациональных зерен, связанных с воспроизведением того мощного воздействия на объективные экономические циклы, которое постоянно оказывали в условиях сверхцентрализации субъективный характер и доктринальная направленность руководства страны.

Стремление к объективному, непредвзятыму рассмотрению длинноволновых циклов воплотилось в книге А. Полетаева и И. Савельевой (Полетаев, Савельева, 1993). Авторы монографии отмечают наметившийся в научной литературе разрыв между изучением длинных циклов и теорией среднесрочных циклов. Они рассматривают концепцию длинных циклов как инструмент экономического анализа, способствующий сведению отдельных элементов и связей в единую форму представления. Не претендуя на исчерпывающее объяснение экономических или исторических процессов, этот инструмент может с успехом использоваться как некая матрица для представления долговременных тенденций экономического и социального развития и упорядочения эмпирических данных.

Интерес к теории длинноволновых циклов стимулировался поиском объяснений снижения темпов экономического роста в развитых странах в 70-е гг. В ходе этого поиска, как отмечают А. Полетаев и И. Савельева, приобрели популярность те объяснения, которые были связаны с чередованием долговременных процессов подъема и спада экономической конъюнктуры. Однако, хотя сам факт наличия периодов более быстрого или более медленного развития в истории экономики не вызывает сомнений, дискуссионной остается проблема степени регулярности, цикличности чередования таких периодов. Эта мысль авторов монографии представляется нам особенно плодотворной, поскольку популярность длинноволновой концепции связывается здесь с

кризисом линейной интерпретации экономического роста. Крах советской модели перманентного, линейного, ациклического роста привел в России к резкому повышению интереса к длинноволновым колебаниям. При этом у ряда социалистически мыслящих теоретиков возникло искушение объяснить трансформационный кризис в самых его основах длинноволновым спадом, а не нежизнеспособностью системы. Такой подход не имеет ничего общего с действительностью, хотя влияние длинных волн не вызывает сомнений.

3. ИНВЕСТИЦИОННО-ИНФЛЯЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ЦИКЛОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Весьма важное значение для моделирования циклических процессов в экономике СССР имела статья В. Шехина (Шехин, 1991). Эта статья, не содержащая в названии даже намека на исследуемую проблему моделирования циклов, тем не менее не имеет себе равных по вкладу в выявление механизмов циклообразования. Соответственно данная статья вскоре получила довольно широкий резонанс и стала считаться первой из российских работ, в которых систематически исследовалась проблема циклов в советской экономике. Она довольно часто цитировалась авторами различных учебников по экономической теории, которые сильно упростили ее основные положения, сведя их к тому, что в советской экономике тоже были циклические кризисы, они были не менее, а более жесткими, чем в рыночной экономике, и их последствия проявлялись более длительное время.

Между тем в указанной статье содержится ряд весьма оригинальных положений, которые представляют ценность не только для учебного изложения современной экономической теории, но и для ее развития в плане исследования проблемы экономических кризисов в СССР. Прежде всего, таблица, приведенная в статье, показывает деформирован-

ность циклов непосредственным вмешательством государственной власти в экономику. Многие спады, кризисные и депрессивные состояния советской экономики объясняются внеэкономическими причинами.

Основываясь на статье В. Шехина, авторы одного из лучших российских учебников по экономической теории М. Сажина и В. Чибриков выстраивают свою концепцию циклов и кризисов в отечественной экономике. По их мнению, «в экономике России не было "правильных" циклов, за исключением большого цикла экономического развития 1929–1932–1981–1985 годов», а «циклические колебания в отечественной экономике имели в основном внеэкономические причины» (Сажина, Чибриков, 1995, с. 231–232). С тем, что «правильных» рыночных циклов в советской экономике не было, да и, в сущности, не могло быть, трудно не согласиться. Но «неправильные», деформированные всевозможными административными воздействиями циклы все-таки были, и вызваны они были не внеэкономическими, а именно экономическими, товарно-денежными, т.е., по существу, рыночными причинами. Как раз их и стремился воспроизвести В. Шехин в своей модели.

В рассматриваемой работе очень ярко проявились противоречия методологических установок «длинноволнового» и «среднесрочного» анализа циклов советской экономики. В. Шехин как аналитик-«долгосрочник» противоречит себе же как «среднесрочнику». Как аналитик долгосрочных циклов, он раздробляет большие 50-летние волны на средние 10-летние, и в качестве элементов более крупных образований 10-летние волны подчиняются логике подъемов или спадов, депрессий, стабилизаций или кризисов 50-летних волн. Совершенно иная логика и иная структура этих же колебаний проступают при их анализе как собственно среднесрочных инвестиционно-инфляционных циклов. Избавленные от зависимости от длинных волн, навязанной им теоретической установкой, среднесрочные циклы начинают вести себя вполне самостоятельно и проявляют свои собс-

твенные фазы подъемов и спадов, кризисов и депрессий и т.д.

В. Шехин выделяет следующие циклы колебаний экономической конъюнктуры в народном хозяйстве СССР.

1. Депрессивный переходный цикл 1921–1931 гг.

2. Цикл первоначального подъема 1931–1942 гг.

3. Цикл максимального подъема 1942–1953 гг.

4. Цикл спада 1953–1963 гг.

5. Цикл стабилизации 1963–1972 гг.

6. Цикл застоя 1972–1981 гг.

7. Переходный депрессивный цикл 1981–1985 гг.

8. Глубокий кризис государственно-натурального уклада хозяйствования 1985–1990 гг.

9. Прогнозируемый цикл первоначального подъема конъюнктуры новой большой волны постиндустриального типа воспроизведения 1990–...

Последнего, как известно, так и не произошло.

Уже приведенное перечисление циклов показывает, что очень многое в статье В. Шехина по меньшей мере спорно. Автор выводит свою концепцию не из конкретного анализа развития советской экономики, а из собственной умозрительной схемы больших волн экономической конъюнктуры, созданной на основе теории Н. Кондратьева. Вышеприведенные девять среднесрочных циклов получены путем дробления полувековых кондратьевских волн на приблизительно десятилетние отрезки, а конкретные проявления циклов советской экономики встроены и буквально втиснуты в эту схему по принципу прокрустова ложа: что короче – вытягивается, что длиннее – отсекается. Сопоставление циклов В. Шехина с циклами Кондратьева показывает отнюдь не ортодоксальное следование исходной концепции «больших волн». В. Шехин выделяет в экономике России – СССР три больших волны.

1. Волна аграрно-индустриального типа

воспроизводства 1872–1921 гг.

2. Волна индустриального типа воспроизводства 1932–1981 гг.

3. Волна постиндустриального типа воспроизводства 1990–2040 гг.

Как известно, циклы Кондратьева имели совершенно иную мотивировку и временной охват, и поэтому в специальной сноске к своей статье В. Шехин сообщает, что им в основном использована лишь методология и терминология длинных волн Н.Д. Кондратьева (Шехин, 1991, с. 22). В нашу задачу не входит критика схематики, примененной в статье В. Шехина. Мы лишь воспользуемся рациональными моментами этого исследования для воссоздания хотя бы приблизительной крупномасштабной картины циклических колебаний советской экономики. За точки отсчета циклов, как и в нормальной рыночной экономике, мы примем моменты наиболее острых кризисов.

История советской экономики отмечена печатью самых разнообразных кризисов, являющихся не чем иным, как частными проявлениями общего постоянного кризиса «бескризисной» экономики. Трансформационный кризис, не имеющий аналогов в истории по своей глубине и разрушительной силе, сопровождал само возникновение этой экономики. В 1929–1932 гг. страна пережила второй сильнейший трансформационный кризис в результате последовательного разрушения рыночных механизмов нэпа. Он совпал по времени с Великой депрессией на Западе, но оказался замаскированным значительным экономическим ростом в процессе форсированной индустриализации. Если первый из этих трансформационных кризисов привел к катастрофическому экономическому спаду (валовой объем производства крупной промышленности к началу 1921 г. составлял 19,5% к уровню 1913 г.), то второй при всей фиктивности многих показателей был связан с беспрецедентным экономическим ростом, особенно в сфере тяжелой промышленности. В рыночной экономике, как правило, значительный экономический рост наблюдается в фазе подъема и

приводит к заметному повышению материального благосостояния населения. Совсем иная закономерность наблюдается в административно-командной экономике. В ней каждый подъем имеет, как правило, кризисный характер и достигается ценой тяжелых социальных перегрузок.

Различные типы кризисов не только открывают в качестве особой фазы, но и сопровождают каждый цикл развития советской экономики. Любая мера руководства, направленная на подстегивание или взбадривание дальнейшего подъема «бескризисной» экономики, приводит к проявлению того или иного типа кризиса.

Все кризисные реакции советской экономики можно подразделить на циклические и ациклические. Ациклические реакции, как правило, обусловлены административным вмешательством в экономические процессы, при котором государство, ведомое партией, обеспечивает экономический подъем даже тогда, когда объективные процессы в экономике предполагают спад. Но это же внеэкономическое вмешательство в экономику накладывает специфический отпечаток и на подспудное действие в ней циклических процессов, характер и формы протекания циклических реакций.

Основной причиной многих кризисных процессов циклического характера в советской экономике было именно экономическое, рыночно ориентированное поведение людей, их стремление обеспечить себе максимум материальных благ и экономических возможностей, сэкономить свои силы от непрекращающейся гонки в никуда. Это экономическое поведение осуществлялось вопреки сложившейся командно-распределительной системе, которая прямо или косвенно ограничивала потребительский сектор, финансировала его по остаточному принципу, побуждала людей отдавать максимум сил, взамен давая лишь минимум экономических благ.

Как и в рыночной экономике, первоисточник циклических кризисов коренился в наличии в одной, структурно и функционально

единой общегосударственной экономике, по существу, двух постоянно взаимодействующих, но разнонаправленных и раздельно эволюционирующих экономик – производительной и потребительской. Но если в условиях свободного рынка производительная экономика ориентирована главным образом на получение прибылей от удовлетворения потребностей потребительской экономики, а регулирующая деятельность государства направлена на поддержание динамического равновесия между ними, то в народном хозяйстве советского типа производительная экономика развивается главным образом за счет потребительской, сводя последнюю к недопустимому при данном уровне развития производительных сил минимуму. В результате подъемы производительной экономики приводят к кризисам потребительской, а подъемы потребительской совпадают по времени с кризисами или депрессиями производительной. Снижение же заинтересованности в производительном труде и переориентация потребительской экономики на черный рынок в свою очередь обуславливают спады в производительной экономике.

Специфический характер циклов советской экономики проявился также в деформированности, нечеткости, размытости этих циклов. Обилие разнообразных кризисов, накладывающихся на периоды подъемов, кратковременность оживлений, длительность депрессий, наложение депрессий на оживления, сочетание депрессий в «неперспективных» отраслях с бурными подъемами в «перспективных», парадоксальное чередование фаз, выражющееся в наступлении депрессий после подъемов, а кризисов после оживлений, составляют характерные особенности этих циклов.

Хаос в поведении и траектории циклических процессов обусловлен многообразными деформациями этих траекторий управляющими воздействиями, ациклической направленностью на постоянное линейно-динамичное «бескризисное» развитие, войнами, сменой первых лиц в руководстве страны. На пер-

вичные деформации накладывались вторичные, третичные, происходила деформация деформаций, более сильные волны опрокидывали или увлекали за собой более слабые и т.п. Накопившиеся диспропорции руководимого развития выходили наружу и проявляли себя в виде кризисов дефицитности, а эти последние, заставляя устранять наиболее заметные диспропорции, в то же время создавали новые диспропорции из-за создания внезапного дефицита инвестиций в приоритетных отраслях.

Возвращаясь к работе В. Шехина, отметим, что ее важным достижением явилось обоснование того, что инвестиционные циклы советской экономики суть одновременно циклы инфляционные. Без инфляционной накачки экономики достижение постоянной подпитки беспрерывного экономического роста было бы просто невозможным: подъем без новых порций инвестиционного допинга очень быстро перешел бы в спад, а не только в замедление роста. В мобилизационной экономической системе необеспеченная товарным эквивалентом денежная эмиссия становится необыкновенно «щедрой» и расточительной. Таким образом, предлагая населению «пустые» деньги в обмен на реальный труд, государство не просто осуществляет превентивное финансирование экономического роста, как бы занимая средства в долг перед будущим развитием, оно систематически использует фактически неоплаченные закупки человеческого труда и средств производства, что порождает неустранимость дефицита и означает не что иное, как дополнительное внешнеэкономическое принуждение к труду и более неэффективную форму эксплуатации, чем присвоение неоплаченного труда в процессе создания прибавочной стоимости.

Инфляционный характер капитала при социализме усиливается его бесплатностью для тех, кто его приводит в действие. Предприятие без владельцев не вкладывает в капитал чьи-то личные деньги, оно получает его бесплатно путем натурального распределения. Отсюда двусторонний характер разбазаривания инвестиционных ресурсов: государство раstra-

чивает «нарисованные» деньги, предприятие же растратывает средства, которые им не заработаны. Поэтому каждый рубль дохода приобретается в данной экономической системе совершенно непомерными расходами, которые еще умножаются расточительностью и бесхозяйственностью на всех уровнях хозяйственной деятельности. Множественность каналов утечки инвестиционных ресурсов побуждает выпускать в обращение все новые деньги для их заполнения. Этот процесс также протекает циклически, поскольку для того, чтобы иссякли инвестированные средства, необходимо время. И чем дальше система отходит от натурально-распределительных механизмов организации экономики и репрессивных методов поддержания в ней порядка к применению разнообразных форм хозрасчета и самостоятельности предприятий, тем больше становится эта расточительность и тем чаще приходится прибегать к услугам печатного станка. В результате каждый последующий инвестиционный цикл оплачивается дороже, чем предыдущий, а инфляционные составляющие этих циклов становятся все более разрушительными. С каждым последующим инвестиционным циклом в экономике накапливается все более мощный инфляционный потенциал. При этом последовательно снижается эффективность инвестиционного потенциала, необходимого для обеспечения экономического роста.

Как отмечает В. Шехин, это снижение эффективности обусловлено также усилением экономической и денежной экспансии предприятий и ведомств-монополистов, перекачкой стоимости в их пользу через инфляционное перераспределение все более значительной доли средств и лучших технологий, снижением мотивации к труду основной массы рабочих и служащих и т.д.

Все эти факторы, действие которых обостряется каждые 8–12 лет, приводят к относительному снижению производительности труда. Инфляция выходит из-под контроля и оказывает опустошительное действие на товарный рынок, доводя до беспредела дефицит самых необходимых потребительских това-

ров. Государственные органы отвечают на этот выход наружу подавленных кризисных явлений своего рода «экономическими репрессиями», к которым в этой системе сводятся меры антикризисного регулирования, свертываются элементы хозрасчета, ужесточается контроль за распределением ресурсов, усиливается фондирование, проводятся меры по большей изоляции товарной массы от возросшего платежеспособного спроса, ограничению денежной массы. В результате усиливается натурализация экономики, еще больше снижаются экономические стимулы, подрываются основы для роста производительности труда, а затем и экономического роста вообще. «Эти меры, — отмечает В. Шехин, — сначала ведут к замедлению экономического роста, а не к снижению инфляции и только потом через депрессию к подавлению инфляции. Пять-шесть таких 8–12-летних циклов приводят к исчерпанию возможностей экономического роста хозяйства с фиксированным типом воспроизводственной структуры» (Шехин, 1991, с. 21). Таким образом, именно в работе В. Шехина наиболее глубоко проанализирован сам механизм возникновения и функционирования советских инвестиционных циклов и их инфляционной подкачки.

Сходный инфляционный механизм циклических колебаний «социалистического» рынка описал Е. Гайдар. «В рамках социализма, — пишет он, — при фиксированных ценах доля денежной массы в ВВП определяется властью произвольно. Избыточный рост денежной массы приводит к обострению дефицита потребительских товаров, росту разрыва цен черного рынка и официально установленных цен, а отсюда — росту вынужденных сбережений, используемых для финансирования государственных расходов» (Гайдар, 1997, с. 467).

В ряде работ сценарий советского инвестиционного цикла представлен как состоящий из следующих последовательно сменяющихся друг друга фаз: «реализация инвестиционной программы — замедление темпов роста — либерализационные мероприятия — уско-

рение темпов роста — усиление макроэкономической несбалансированности — отказ от либеральных реформ и новая инвестиционная программа» (May, 1998, с. 71). Этот сценарий в общем и целом совпадает с моделью среднесрочных циклов В. Шехина с той только разницей, что инфляционные процессы, описанные В. Шехиным, предопределяли запуск практически каждого из таких циклов, в то время как процессы относительной либерализации начались только со временем хрущевской оттепели. Кроме того, данный сценарий предполагает смену шести последовательных фаз в ходе развертывания каждого инвестиционного цикла, тогда как модель В. Шехина не связана с выделением четко очерченных фаз, по крайней мере в ее табличном варианте.

Что касается относительного варианта инвестиционно-инфляционных циклов в начале статьи, то он довольно схематично очерчивает четыре основные фазы: 1) инфляционно поддерживаемых инвестиций; 2) выхода инфляции из-под контроля и повышения выше нормы интенсивности дефицита; 3) жесткой антиинфляционной политики, усиливающей фондирование, распределение и натурализацию экономики и вгоняющей производство в депрессию и 4) подавление инфляции (после чего начинается подготовка к новому инвестиционному циклу). Несмотря на расхождение в числе фаз, эти схемы описывают, по существу, идентичный механизм циклообразования.

На данной стадии нашего исследования, опираясь на приведенный в настоящем разделе материал, мы можем лишь констатировать факт разноцикличности советской экономики, взаимодействия в ней самых различных, относительно обособленных друг от друга циклических процессов, имеющих различную длительность и периодичность, порождающих в разное время самые различные кризисные состояния. Инвестиционные (и одновременно инфляционные) циклы в этом циклическом разнобое выступают как базовые лишь на определенном уровне экономической конъюнктуры. Они не поглощают и не включают в себя других циклов (например, структурных), лишь

оказывая на них определенное влияние (например, на циклы дефицитности и колебания дефицитного рынка). Относительность базисного воздействия инвестиционных циклов в разноцикленности советской (а в дальнейшем и переходной) экономики порождает проблему создания обобщенной модели циклов социалистической и переходной экономики.

(Продолжение следует)

Литература

- Абрамов И.М. Циклы в развитии экономики СССР.* Минск: Наука и техника, 1990.
- Анчишин А.И. Наука. Техника. Экономика.* М.: Экономика, 1989.
- Аукционек С.П. Дискуссионные вопросы теории циклов.* М.: ИМ ЭТО АН СССР, 1990.
- Винтрова Р. Проблемы совершенствования пропорций социалистического воспроизводства.* М.: Наука, 1981.
- Волконский В.А. Драма духовной истории: Внезакономические основания экономического кризиса.* М.: Наука, 2002.
- Гайдар Е.Т. Сочинения: В 2 т. Т. 2.* М.: Евразия, 1997.
- Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития.* М.: Владар, 1993.
- Длинные волны. Научный технический прогресс и социально-экономические развития.* Новосибирск: Наука, 1991.
- Долговременные тенденции в капиталистическом воспроизводстве.* М.: ИНИОН АН СССР, 1985.
- Дубовский С.В. Циклы и переходные процессы в СССР // Экономический рост и циклы.* Вып. 12. М.: ВНИИСИ, 1991.
- Евстигнеева Л.П. Перспективное финансовое планирование. Политэкономический аспект.* М.: Наука, 1982.
- Зоидов К.Х. Циклические процессы в советской и переходной российской экономике.* М.: ИПР РАН, 1999.
- Зоидов К.Х. Кризисная цикличность и методология антикризисного регулирования переходной экономики России // Экономическая наука современной России.* 2001. № 2.
- Зоидов К.Х. Эволюционно-институциональный подход и методология проведения антикризисных мероприятий в переходной экономике // Экономико-математические методы.* 2004а. Т. 40. № 3.
- Зоидов К.Х. Экономические кризисы: причины, последствия, пути преодоления.* М.: ИПР РАН, 2004б.
- Зоидов К.Х. Уроки трансформационного кризиса // Экономическая наука современной России,* 2005. № 4 (31).
- Зоидов К.Х. Инновационная экономика: опыт, проблемы, пути формирования.* М.: ИПР РАН, 2006.
- Клейнер Г.Б. Экономика России и кризис взаимных ожиданий.* // Общественные науки и современность. 1999. № 2 .
- Ковалева Г. Измерение и моделирование циклической динамики экономических процессов на основе спектрального анализа.* Новосибирск: ИЭ и ОПП СО АН СССР, 1991.
- Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики.* М.: Экономика, 1989.
- Лебедев В.В., Лебедев К.В. Математическое и компьютерное моделирование экономики.* М.: НВТ-Дизайн, 2002.
- Маевский В.И. Кондратьевские циклы, экономическая эволюция и экономическая генетика.* М.: ИЭ РАН, 1994.
- Макаров В.Л., Рубинов А.М. Математическая теория экономической динамики и равновесия.* М.: Наука, 1973.
- Май В. Логика и природа экономического кризиса в СССР // Экономика переходного периода.* М.: ИЭППП, 1998.
- Меньшиков С.М., Клименко Л.А. Длинные волны в экономике: Когда общество меняет кожу.* М.: Международные отношения, 1989.
- Ноздрань Н. Трансформация российской экономики как циклический процесс // Вопросы экономики.* 1996. № 10.
- Нуреев Р.М. Теория общественного выбора. Курс лекций: Учеб. пособие для вузов.* М.: ГУ ВШЭ, 2005.
- Петраков Н.Я. Русская рулетка. Экономический экс-*

- перимент ценой 150 миллионов жизней. М.: Экономика, 1998.
- Полетаев А.В., Савельева И.М.* Циклы Кондратьева и развитие капитализма. М.: Наука, 1993.
- Пропорции воспроизводства в период развитого социализма. М.: Наука, 1976.
- Рекомендации по улучшению планирования и экономического стимулирования разработки и внедрения принципиально новой техники. М.: АНХ СССР, 1980.
- Рудый К.В.* Циклы в современной экономике. М.: Новое знание, 2004.
- Сажина М.А., Чибруков В.Г.* Основы экономической теории. М.: Экономика, 1995.
- Тесля П.Н.* Моделирование цикла капиталистического воспроизводства. Новосибирск: Наука, 1988.
- Шехин В.* Последствия инфляционной экономической политики // Вопросы экономики. 1991. № 1.
- Шумпетер Й.* Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.
- Экономический цикл: Анализ австрийской школы: Пер. с англ. / Сост. А.В. Куряев. Челябинск: Социум, 2005.
- Яковец Ю.В.* Циклы. Кризисы. Прогнозы. М.: Наука, 1999.
- Яковец Ю.В.* Экономика России: перемены и перспективы. М.: РФК, 1997.
- Яковец Ю.В., Пирогов С.В.* Закономерности циклической динамики и генетики науки, образования и культуры. М.: Наука, 1993.
- Яременко Ю.В.* Структурные изменения в социалистической экономике. М.: Мысль, 1981.

Рукопись поступила в редакцию 07.06.2006 г.

ПОТЕНЦИАЛ ОБЪЕДИНЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ

М.Ю. Афанасьев, Н.В. Васильева

Рассматриваются вопросы оценки потенциала и эффективности объединения однородных производителей, результат деятельности которых поддается количественной оценке. Анализ потенциала объединения проводится на основе трех форм потенциалов его компонентов. Акцентируется внимание на потенциале трудовых ресурсов. Оценивается исходный, фактический и граничный потенциал группы ученых, продукция которых определяется объемом публикаций.

Первые публикации, включавшие термин «эффективность», появились в области экономики, позднее этот термин перешел в область менеджмента. Просматриваются два направления в его использовании. Уильям Петти (один из основателей классической политэкономии XVII в.) и Франсуа Кенэ (представитель школы физиократов, XVII в.) употребляли этот термин в значении «результативность» (Солодская, 1999). Давид Рикардо (один из классиков политэкономии, начало XIX в.) рассматривает его как отношение результата к определенному виду затрат (Рикардо, 1965). В 1912 г. Харрингтон Эмерсон, один из первых теоретиков менеджмента, описывает систему эффективного управления, используя термин «эффективность» в различных значениях, в том числе и как успешность, не касаясь его количественного выражения (Солодская, 1999). Тадеуш Котарбиньский (создатель праксиологии, XX в.) также связывает эффективность с успешностью (Котарбиньский, 1975). Последователь Котарбинского Ян Зеленовский отождествляет эффективность и результативность и вводит меру эффективности как «отношение суммарной ценности фактических результатов дея-